

Глава третья: Тан Юйшу в беде проявляет сноровку, Линь Тинчжи простужается от холода

—

Линь Лан проснулся, всё ещё дрожа. Собрав последние силы, он сел и слабо позвал: «Шунь-эр! Принеси горячего чаю...», но в ответ получил лишь два холодных карканья ворон за окном.

Вспомнив своё текущее положение, Линь Лан помассировал виски, пытаясь избавиться от головокружения и дискомфорта.

Вчера, добравшись до Чэньтаня, он был совершенно измотан, а затем пришлось ещё тащиться в суд. Вернулся он уже глубокой ночью. В результате пришлось спешно убирать восточный флигель — хотя на первый взгляд было видно, что Тан Юйшу уже прибирался в комнате, но Линь Лан, с его чрезвычайно строгими требованиями к чистоте, лично мыл и чистил всё три раза, прежде чем смог спокойно лечь.

— Чего ещё ждать от этого грубияна, какой там порядок?

Когда он произнёс ругательство «грубиян», Линь Лан вспомнил некоторые неприятные моменты и не удержался, закатив глаза.

Он вышел во двор, солнце стояло высоко, вероятно, чуть больше полудня. Но температура была пугающе низкой.

Вчера, когда он приехал, осенний холод не был таким сильным, но за один день погода словно поменялась.

— Это проклятое место меня не принимает, — возмущённо бормотал Линь Лан.

Но что толку? В голове он уже сотни раз прорисовал грандиозный план о «Богатом сыне, который не хочет жить за счёт семьи, начинает великое дело и шокирует мир», но кто бы мог подумать, что на первом же шаге к успеху он столкнётся с таким препятствием?

Эти два месяца придётся как-то продержаться...

Сжимая кошелёк, Линь Лан решил выйти и купить кое-что из мелочей.

Его внутреннее раздражение ещё не находило выхода, но как только он открыл главные ворота, он увидел, что перед домом на пустом месте собралось множество торговцев.

Будучи главным действующим лицом недавних событий, Линь Лан, вышедший из ворот, немедленно привлёк внимание всех торговцев и прохожих у «Усадьбы Бога Богатства».

Под сотней пар глаз раздражение Линь Лана удвоилось. Он, не сдерживаясь, указал на толпу:

— Я же вчера говорил — не толпитесь перед моим домом!

— Молодой господин Тан разрешил! — пронзительно возразила Полная тётушка.

— Этот дом мой, его слова не имеют значения! — От слов «Молодой господин Тан» Линь Лана начинало трясти.

— А чей это дом, ещё неизвестно... — Полная тётушка ехидно протянула: — Это решится только через два месяца, когда мой отец вынесет вердикт!

После такого удара от Полной тётушки Линь Лан уже собирался разразиться гневной тирадой, но тут услышал, как хозяин лапшичной рядом сказал:

— Молодой господин Линь, мы занимаем это большое пустое место для торговли, но мы не кричим громко и не перекрываем тебе проход. К тому же, рынку у Усадьбы Бога Богатства уже десять лет. В конце концов, это место принадлежит всему Чэньтаню, а не только тебе, у тебя нет права нас прогонять.

Слова старого торговца были разумны и обоснованы, что вызвало одобрение толпы.

Линь Лан понял, что он неправ, и в душе убедил себя, что «Сильный дракон не одолеет местную змею». Он опустил голову и выбежал из толпы.

Долго расспрашивая дорогу, он наконец нашёл портняжную лавку. Войдя, он увидел старушку, которая подошла и осмотрела Линь Лана с головы до ног:

— Молодой господин Линь, что бы вы хотели купить?

Оказалось, что он действительно стал знаменитостью, о которой знает весь Чэньтань:

— ...Одеяло.

— Это портновская лавка, одеяла здесь не продают. — Внимание старушки явно было не на продаже. Она присела и потрогала чёрные замшевые сапоги Линь Лана: — Какие изящные сапоги, видно, что работа из большого города!

— Где продают одеяла? — Линь Лан отступил на несколько шагов.

— В округе нигде нет. Если очень нужно, то, наверное, придётся ехать в Цзиньлин. — Ответив на вопрос Линь Лана, старушка схватила его за руку, потрогала его рукав, явно зациклившись на его одежде: — Тц-тц — этот стежок, этот крой, эта ткань! Сколько стоит этот наряд?

— Это сшила мне мама... — Линь Лан снова вырвал руку, силой возвращая внимание старушки. — Во всём городе нет магазина, где продают одеяла?

— Конечно... Если бы и открыли, это не принесло бы прибыли. Одеяла, кто станет их покупать? В каждой семье Чэньтаня есть искусные женщины, они сами их шьют, так оно и надёжнее, и теплее, — сказав это, старушка даже приподнялась на цыпочках, пытаясь потрогать алый бархатный зажим для волос Линь Лана.

Линь Лан подумал про себя, что это правда: хотя Чэньтань и богат, но, во-первых, население невелико, и спрос на одеяла недостаточен; во-вторых, одеяла не являются расходным материалом, поэтому в условиях ограниченного рынка спрос и предложение не могут быть стабильными в долгосрочной перспективе. Эти принципы он усвоил, путешествуя по Шелковому пути с дядей, и теперь они подтверждались в самой обыденной жизни.

Будучи выходцем из купеческой семьи, Линь Лан подсознательно анализировал логику всех коммерческих действий.

— В любом случае, спасибо.

Линь Лан уныло развернулся, чтобы уйти, но старушка, не желая отпускать, успела ущипнуть его за ягодицу:

— Линии этих штанов... Ах! Твоя мать — настоящая мастерица!

Выйдя из лавки, он поднял голову, и его глаза кольнуло яркое солнце: «Апчхи!»

Боже, это проклятое место, даже солнце здесь не такое приятное.

Рабочий день закончился примерно в конце часа Юй (17:00 – 19:00), и в домах Чэньтаня уже поднимался дым из печных труб.

Тан Юйшу развязал тонкую рубаху, обвязанную вокруг пояса, и вытер пот со лба.

Переведя дух после работы, Тан Юйшу направился к бригадиру. Не дойдя нескольких шагов, бригадир, увидев его, сказал:

— Расплачусь с тобой завтра, хорошо?

Тан Юйшу промолчал, размял ноющие руки и ноги и покинул пристань.

Увидев вдали бросающиеся в глаза ярко-красные ворота своего дома, Тан Юйшу нахмурился.

Этот старый дом был слишком большим, и ему потребовалось двадцать дней, чтобы просто кое-как его прибрать одному. Он думал, что теперь сможет жить спокойно, но вчера внезапно появился незваный гость, заявивший, что он настоящий хозяин.

Тан Юйшу был человеком мягким и не склонным к конфликтам. Столкнувшись с чередой этих перемен, он растерялся и ничего не мог поделать, кроме как ждать ответа от уездного магистрата.

Три месяца назад в Чэнду закончилась война. Той ночью в его палатку вошёл тот человек и радостно сказал:

— Из столицы пришло известие — Император разрешил мне остаться в Цзиньчэне на полгода для улаживания дел. Ты будешь моим заместителем, а через полгода вернёшься со мной в столицу...

План, который собеседник воодушевлённо не успел закончить, был вежливо, но холодно отвергнут Тан Юйшу:

— Благодарю вас за вашу доброту, генерал, но... я не хочу занимать этот пост и уж точно не хочу оставаться в Чэнду...

Улыбка на лице этого человека тут же исчезла. В тусклом свете масляной лампы в палатке его глаза скрылись в тени надбровных дуг, и его эмоции стали неразличимы:

— ...Куда же ты собираешься?

Левая рука Тан Юйшу была на перевязи, правая покоилась на колене, а между пальцами виднелась вышитая заплатка: — Я договорился... Я еду в Цзяннань.

— ...Вот упрямый сопляк. — Тот человек снова поднял голову, вернув улыбку: — Ладно, как хочешь.

Десять дней спустя на торжественном пиру тот человек стоял прямо перед палаткой. Его новый заместитель зачитал награды:

— Тан Юйшу, капитан передового отряда батальона Цзяцзы армии Цзиньян, за выдающиеся заслуги и бесчисленное количество убитых врагов, награждается усадьбой в Чэньтане, префектура Цзиньлин.

— Благодарю, генерал, — Тан Юйшу поклонился, намеренно избегая его взгляда, полного тоски.

Выйдя из воспоминаний, Тан Юйшу сел за лапшичный прилавок:

— Дядя Ван, как обычно, большую миску простой лапши.

Хозяин прилавка, дядя Ван, отлично знал вкус своего постоянного клиента:

— С острым перцем, верно?

Тан Юйшу улыбнулся и кивнул.

— Тот молодой господин Линь тоже приходил есть лапшу, — болтал дядя Ван. — Нёс кучу недавно купленных бытовых вещей... Но выглядел он неважно, бледный-бледный. Вы что, поругались?

— Нет...

— Вот и хорошо, ты в любом случае не виноват. Но старайся избегать проблем... В конце концов, у него тоже есть купчие. — Дядя Ван, вытягивая лапшу, вздохнул: — Это, можно сказать, странное дело.

— ...

— Что ты решил?

Тан Юйшу помассировал глаза:

— Если решат в мою пользу, я останусь; если нет, двор всё равно что-нибудь мне найдёт.

— Тяжело тебе — работа на пристани идёт хорошо?

— Нормально.

— Не думай, что дядя Ван болтает ерунду, но репутация у того бригадира действительно плохая, никто в Чэньтане не хочет с ним работать. Я тебя уговаривал, а ты не послушал. Если бы ты пошёл ко мне — я бы передал тебе своё ремесло лапшичника, этого хватило бы тебе на жизнь...

Дядя Ван был старым вдовцом без сыновей, и, вероятно, хотел взять ученика, передать ремесло и найти кого-то, кто позаботился бы о нём в старости. Тан Юйшу улыбнулся:

— Спасибо, дядя Ван, за заботу. Но с моим домом всё стало неясно. Если мне придётся уехать из Чэньтаня, разве не напрасны будут ваши усилия? Давайте подождём два месяца... А насчёт пристани, я сам буду осторожен.

Когда на стол поставили дымящуюся лапшу, рядом появилась ещё бутылка вина.

Тан Юйшу удивился:

— Дядя Ван, я не заказывал вина.

Дядя Ван засмеялся, не поворачивая головы, только подмигнул и тихо указал:

— Это тебе от А-Цы.

Следуя взгляду дяди Вана, Тан Юйшу повернул голову — напротив лапшичной стоял прилавок с вином. Продавец вина, А-Цы, пряталась за стопкой винных кувшинов и тайком поглядывала сюда. Столкнувшись взглядом с Тан Юйшу, она тут же залилась краской и принялась поспешно черпать вино ложкой, нечаянно пролив его на землю.

Увидев это, дядя Ван расхохотался:

— Ты нравишься А-Цы, глупый мальчишка!»

— Пф-ф-ф... — Тан Юйшу выплюнул лапшу.

— Ну что, тебе не нравится А-Цы? — Дядя Ван засмеялся: — Да ладно! Если не нравится, зачем помогал?

«Помощь» заключалась в небольшом инциденте, который произошёл несколько дней назад, когда Тан Юйшу возвращался с работы: А-Цы шла впереди и, проходя мимо дома, который ремонтировали, едва не была придавлена внезапно рухнувшими строительными лесами. Тан Юйшу, увидев это, стрелой бросился вперёд, обхватил плечо А-Цы и несколько раз перевернулся с ней по земле.

— Любой бы помог! И к тому же — я тогда думал, что А-Цы — мужчина, о какой любви может идти речь? — Тан Юйшу с сожалением смотрел на лапшу, которую выплюнул на стол.

Дядя Ван смеялся, как закипающий чайник.

Насытившись и собираясь домой, Тан Юйшу был остановлен Полной тётушкой, которая снова сунула ему жареную рыбу.

Тан Юйшу отказывался:

— С тех пор, как я приехал в Чэньтань, я уже бесплатно съел три или четыре порции вашей жареной рыбы, больше не могу брать.

Полная тётушка заплакала:

— Сегодня молодой господин Линь устроил нам скандал, сказал, чтобы мы здесь не торговали.

Тан Юйшу нахмурился, а затем улыбнулся:

— Разве вам не хорошо здесь торговать, выходя из дома, можно сразу поесть... Почему он не разрешает?

Полная тётушка размазывала слёзы и румяна по лицу тыльной стороной ладони:

— С таким высокомерным характером, кто его потерпит? Я думаю, этот Линь Лан и тебе создаёт проблемы?

— Торгуйте, как и раньше, я пойду домой и поговорю с ним... — Тан Юйшу горько улыбнулся.

Сказав это, он попытался открыть дверь, но обнаружил, что она заперта изнутри.

Тан Юйшу постучал несколько раз, услышав смутный звук падающей фарфоровой чашки. Зная, что кто-то внутри, Тан Юйшу постучал ещё несколько раз.

Но ответа не последовало.

— Это он намеренно! — Полная тётушка с покрасневшимся лицом подлила масла в огонь за его спиной.

Тан Юйшу всё ещё улыбался, но ему тоже стало неприятно. Простояв так некоторое время и не дождавшись, пока дверь откроют, Тан Юйшу снова сильно постучал несколько раз. В этот раз в стуче уже прозвучал гнев.

Все присутствующие заметили изменение в настроении Тан Юйшу и, выпучив глаза от удивления, не осмеливались говорить.

— Линь Лан!

Тан Юйшу громко крикнул.

— Открой дверь!

Снова тишина.

Теперь Тан Юйшу по-настоящему рассердился.

Он отступил на несколько шагов, затем рванулся к воротам, оттолкнулся ногами и вскарабкался на двухметровую высоту. Затем он сделал сальто в воздухе и перепрыгнул во двор.

Толпа стояла, широко раскрыв глаза от изумления, и переглядывалась, не смея произнести ни звука.

Изнутри слышались звуки уверенного приземления, затем торопливые шаги и громкий удар по двери флигеля.

Все затаили дыхание, ожидая неминуемой ссоры, но тут слышались тяжёлые шаги, приближающиеся издалека, поспешно отодвинулся засов, дверь распахнулась изнутри, и Тан Юйшу, тяжело дыша, нёс бесчувственного Линь Лана.

— Быстро! Где здесь есть лекарь?

—

<http://bllate.org/book/12583/1118359>